

ПОЗИЦИОНИРОВАНИЕ ФАКТОВ, СМЫСЛОВ И ТЕРМИНОВ В МЕДИА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ И ПРАКТИКА ОСВЕЩЕНИЯ ПРОБЛЕМАТИКИ ТЕРРОРИЗМА

Александр Николаевич Чумиков

Институт социологии ФНИСЦ РАН;
Московский государственный лингвистический университет,
Москва, Россия,
chumikov@pr-club.com,
ORCID 0000-0002-7208-9783

Для цитирования: Чумиков А. Н. Позicionирование фактов, смыслов и терминов в медиа: теоретические подходы и практика освещения проблематики терроризма // Социологическая наука и социальная практика. 2024. Т. 12, № 1. С. 94–119. DOI 10.19181/snsp.2024.12.1.5. EDN CPMWGM.

Аннотация. Трактовка и взаимосвязь понятий «факт», «смысл», «термин» на протяжении XX–XXI вв. постоянно находились в зоне интереса исследователей: социологов, философов, культурологов, лингвистов, юристов, а также писателей и журналистов. При этом данная связь, внешне понятная и логичная, осознавалась как всё более сложная композиция, зависящая и от особенностей человеческого восприятия, и от социального моделирования различного рода сообщений целевым аудиториям. В настоящей статье рассматриваются эволюция и современное состояние данных представлений, связанных, с одной стороны, с интернетизацией и медиатизацией общества; а с другой, – с наличием и даже усилением глобальной социально-политической конъюнктуры на межгосударственном и других уровнях. В фокусе исследования автора находится проблематика терроризма как наиболее острая и показательная. Единое, принятое на международном уровне определение терроризма отсутствует. Ещё в большей степени это касается социальной практики, в процессе которой исполнители и заказчики терактов определяются заинтересованными сторонами по-разному, вплоть до полной противоположности. Таким же образом трактуются и непосредственные факты террора, когда фиксация реального события дополняется или полностью подменяется демонстрацией его смыслового наполнения. В статье рассматриваются предпосылки и современная практика создания и последующего применения фактологических, смысловых и лексико-семантических элементов в композициях публикуемых сообщений. С помощью анализа материалов российских и западных средств массовой информации автор исследует изменение целей названных элементов и их роли в воздействии на целевые аудитории. В ходе изучения выдвигается и подтверждается гипотеза о том, что сообщения об актах террора превращаются в инструмент информационной войны, причём их смысловая часть приобретает доминирующий характер. Развиваются техно-

логии проверки фактов на достоверность и выявления первичных целей авторов сообщений. Однако приоритетным типом контрдействий становится формирование у целевых групп стереотипных установок на неприятие таких событий, высказываний и их контентных обозначений в медиа, которые квалифицируются государством как террористические.

Ключевые слова: факт, фактчекинг, смысл, смыслообразование, термин, медиа, постправда, стереотип, информационный эталон, терроризм

Введение

Если исходить из синтезированных определений, присутствующих во многих словарях и энциклопедиях, то связка «факт – смысл – термин» представляется логичной и понятной. Так, факт (лат. *factum*, букв. «сделанное») трактуется как реальное и конкретное, а не вымышленное или абстрактное, событие или результат. Смысл – это сущность факта, выраженная словом. Слова, строго определяющие сущности в какой-либо области, называются терминами. То есть в логически идеальной и гармоничной коммуникационной цепочке «передатчик – приёмник информации» факт должен нести чёткий смысл, зафиксированный в однозначно понимаемых терминах. В реальности же существуют диспропорции и рассогласования, проявляющиеся в различных смыслах одного и того же факта и нескольких трактовках одного и того же термина. Разумеется, что такие диспропорции интуитивно ощущались на протяжении многих десятилетий и даже столетий, но их постепенное структурирование в рамках социологической науки, художественной и журналистской практики относится к концу XIX–XXI вв.

В качестве краткой хронологической характеристики поисков в трёх указанных направлениях, уместно начать с критических статей Л. Н. Толстого, где он фиксирует существенное несовпадение художественных фактов и смыслов в произведениях искусства, воспринимаемых читателями и зрителями как выдающиеся. Так, в очерке «О Шекспире и о драме» (1903) писатель отмечает, что «выдуманность положений, не вытекающих из естественного хода событий и свойств характеров, и несоответственность их времени и месту усиливается ещё теми грубыми прикрасами, которые постоянно употребляются Шекспиром в тех местах, которые должны казаться особенно трагичными» [1, с. 309].

В трактате «Что такое искусство?» (1898) Л. Н. Толстой относит подобные выводы к целому ряду жанров и конкретных произведений. Применительно к терминологическому аппарату он констатирует, что чем запутаннее понятие, передаваемое словом, тем с большим апломбом и са-

моуверенностью люди делают вид, будто это слово так просто и ясно, что не стоит и говорить о его значении [2, с. 55].

Делая научно-психологический анализ подобного восприятия, Л. С. Выготский в исследовании «Психология искусства» (1925) говорит о том, что сюжет (подразумевается художественная обработка, смысл произведения) и фабула рассказа (первичный материал для произведения, факты), как правило, не имеют прямых зависимостей и относятся друг к другу «как форма к материалу». Л. С. Выготский подчёркивает, что «такое понимание развивалось с величайшими трудностями» и что «долгое время исследование никак не могло различить эти две стороны и всякий раз путалось, когда пытались устанавливать те или иные законы создания и восприятия рассказа». По мнению учёного, почти при всяком изучении текста приходится бороться с «чрезвычайно сильной общественной рационализацией... как с предубеждением и предрассудком» [3, с. 146–158].

Рассматривая эти особенности на примере новеллы И. А. Бунина «Лёгкое дыхание», Л. С. Выготский отмечает, что в результате чтения у нас создаётся впечатление, полностью противоположное тому, которое могли породить описанные события сами по себе. Данное явление учёный называет «законом уничтожения формой содержания» [3].

К концу XIX – началу XX в. относятся и разработки в исследуемой сфере одного из основоположников современной социологии Э. Дюркгейма. В труде «Метод социологии» (1898) он разделяет факты на морфологические, как материальный субстрат общества, и нематериальные, как компоненты коллективных представлений, имеющих социально-культурное значение. При этом Дюркгейм констатирует, что «человек не может жить среди явлений, не составляя себе о них идей, которыми он руководствуется в своём поведении. Но так как эти смысловые понятия ближе и понятнее нам, чем реальности, которым они соответствуют, то мы, естественно, склонны заменять ими последние и сделать их предметом наших размышлений». Таким образом, по мнению учёного, наука о реальности подменяется анализом понятий, а к фактам обращаются для того, чтобы подтвердить сделанные из них выводы. «Факты в этом случае являются чем-то второстепенным; они служат примерами или подтверждающими доказательствами, а не предметом науки» [4, с. 422].

Данную линию впоследствии продолжил В. А. Ядов, называя фактами как не зависящие от наблюдателя состояния действительности или свершившиеся события, так и обоснованное знание, полученное путём описания отдельных фрагментов реальности. В качестве социальных фактов, по В. А. Ядову, могут выступать: поведение индивидов или целых соци-

альных общностей, материальные или духовные продукты человеческой деятельности, а также суждения, мнения и взгляды. Факты есть фрагменты социальной действительности, которые обретают смысл благодаря той или иной системе понятий, в которых мы их описываем [5, с. 34–35].

Что касается журналистики, то соотношение в ней фактов и смыслов стало одной из главных тем всего XX века, вылившись в дискуссию о свободе прессы. В итоге родились две ведущие концепции медийного производства. Одна из них исходит из того, что в средствах массовой информации (СМИ, медиа) должны присутствовать сведения исключительно о реальных событиях и результатах (англ. *make story* – рассказ-повествование, журналистика факта), смысл которых определяет читатель. При этом журналист вправе использовать любые непротиворечащие закону факты и термины. Другая концепция предполагает выборочное использование фактов и терминов вместе с разъяснением их смыслов потребителю (англ. *make sense* – интерпретация события, журналистика смысла/мнения). Предполагается, что первая концепция-модель действует в демократическом (плюралистическом, рыночном) обществе; вторая – в обществе тоталитарном (ригидном, нерыночном) [6].

Однако на разных этапах дискуссии отмечалась условность такого разделения. Так, В. И. Ленин в известной статье «Партийная организация и партийная литература», написанной в досоветский (рыночный) период (1905), соглашался, что «свобода слова и печати должна быть полная», но при этом соответствующая «принципу партийности». То есть во имя свободы слова журналисту предоставляется «полное право кричать, врать и писать что угодно». Но во имя свободы союзов он должен в обмен предоставить своему работодателю право «заключать или расторгать союз с людьми, говорящими то-то и то-то» [7, с. 104].

В 1959 году, сразу после свержения на Кубе диктаторского режима, новые лидеры страны Ф. Кастро и Че Гевара объявили «Операцию “Правда”»: ряд мероприятий, направленных на свободное и независимое освещение деятельности революции. В ходе операции начало свою деятельность Латиноамериканское информационное агентство Prensa Latina, основатель которого Х. Р. Масетти заявил: «Мы объективны, но не беспристрастны. Мы считаем, что быть беспристрастными – значит быть малодушными, потому что невозможно быть беспристрастными между добром и злом»¹.

Глобальные количественно-качественные изменения механизмов формирования и распространения значимой информации в XXI веке, связанные с интернетизацией общества и приведшие к его медиатизации, вызвали к жизни возникновение таких явлений и сопутствующих им

¹ Мусеев А. Пренса Латина передаёт из России... // Международная жизнь : [сайт]. 06.09.2014. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/11777> (дата обращения: 01.12.2023).

понятий, как «постправда», «постреальность» и «постфактуальная информационная политика» [8]. Они не означают утраты актуальности приведённых выше тезисов, но диктуют необходимость обновлённого анализа информационных реалий в области фактологического, смыслового и терминологического позиционирования контента медийных публикаций. В дальнейшем изложении такой анализ будет проведён как в обобщённом виде, так и в фокусе проблематики терроризма. В качестве материалов и методов исследования используются:

- обзорный контент-анализ зарубежных и российских теоретических работ в области трактовки и позиционирования социальных фактов, смыслов и терминов;
- качественный анализ редакционных этических стандартов ведущих мировых медиакорпораций;
- результаты социологических опросов и медийных исследований по проблематике терроризма;
- авторский информационный аудит представленности тематики терроризма в российских и германских СМИ;
- выборочный анализ освещения в международном и российском медийном поле наиболее значимых проявлений терроризма в XXI веке.

Факты как достоверная информация в медийном поле

В общем плане подавляющее большинство международных и российских СМИ декларируют приверженность факту и его приоритет перед смыслом (мнением, трактовкой, интерпретацией). Наиболее чётко эти позиции зафиксированы в редакционных стандартах ведущих мировых медиакорпораций.

Так, в Reuters Handbook of Journalism сказано, что медиахолдинг «стремится сообщать факты, а не слухи». «Клиенты полагаются на нас, чтобы дифференцировать факты и слухи, и наша репутация зависит от этого», – продолжает руководство. Reuters проводит фундаментальное различие между своими новостями, основанными на фактах, и материалами других СМИ с мнениями о событиях. Агентство прямо заявляет, что его журналисты не выражают собственную позицию ни в каких типах новостей. Это на протяжении многих лет служит основополагающим принципом и вызывает доверие к Reuters. Подчёркивается, что журналисты агентства никогда не отождествляют себя с какой-либо стороной, а стремятся отражать взгляды всех участников, будь то сделка по поглощению, политический спор или военный конфликт¹.

---

¹ Reuters Handbook of Journalism. 2008. URL: https://www.mediareform.org.uk/wp-content/uploads/2015/12/Reuters_Handbook_of_Journalism.pdf (дата обращения: 01.12.2023).

Сходные принципы работы с информацией зафиксированы в Редакционном стандарте российского информационного агентства ТАСС. «Новость – это факты, а не оценки, – говорится в Стандарте. – Принцип объективности и непредвзятости не допускает выражения журналистом собственного мнения или оценок в новостных сообщениях»¹.

Однако внимательное ознакомление с принципами новостного производства перечисленных и других СМИ позволяет выявить фрагменты, прямо или косвенно указывающие на основания и возможности интерпретации фактов в пользу актуального смыслового контекста. Во-первых, технологии редакционной проверки фактов (фактчекинга) предполагают главным образом анализ достоверности их источников. При этом самым надёжным источником считается корреспондент СМИ, наблюдавший фрагмент действительности и подготовивший сообщение об этом. Однако и сам корреспондент, и представляемое им медиа могут быть и являются субъектами, заинтересованными в подаче информации тем или иным образом. Во-вторых, построение фактов в определённой последовательности само по себе приводит к программируемым смыслам. В-третьих, положения о допустимости интерпретации фактов можно найти и в самих редакционных стандартах.

Например, в стандартах Reuters говорится, что объективность не всегда сводится к предоставлению равного пространства всем сторонам. «Исполнитель злодеяния или лидер маргинальной политической группы, возможно, заслуживают меньшего внимания, чем жертвы или основные политические силы»². При этом критерии, по которым некоторый субъект будет отнесен к «злодеям» или «лидерам», остаются за рамками стандарта.

В Редакционном стандарте ТАСС в качестве цели работы агентства указано «формирование единой информационной среды русскоязычного мира» и особое внимание к освещению событий, происходящих с участием россиян и касающихся российских интересов³.

За предоставление недостоверной информации законодательство предусматривает административное или уголовное наказание. Так, в статьях 207.1 Уголовного кодекса Российской Федерации⁴, 13.15, ч. 9 Кодекса

¹ Лебедев А. В. Редакционный стандарт ТАСС : учеб. пособие / А. В. Лебедев ; под ред. М. Г. Филимонова. М. : Аспект-пресс, 2020. С. 20–21.

² Reuters Handbook of Journalism. 2008. URL: https://www.mediareform.org.uk/wp-content/uploads/2015/12/Reuters_Handbook_of_Journalism.pdf (дата обращения: 01.12.2023).

³ Лебедев А. В. Редакционный стандарт ТАСС : учеб. пособие / А. В. Лебедев ; под ред. М. Г. Филимонова. М. : Аспект-пресс, 2020. С. 10, 12.

⁴ Федеральный закон от 01.04.2020 № 100-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Президент России : [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45393> (дата обращения: 01.12.2023).

Российской Федерации об административных правонарушениях¹ сказано, что ответственность наступает в случаях публичного распространения под видом достоверных сообщений заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни или здоровью граждан; угрозу имуществу; угрозу массового нарушения общественного порядка и (или) общественной безопасности либо угрозу создания помех функционированию или прекращения функционирования объектов жизнеобеспечения.

Но даже приведённые фрагменты законов позволяют понять, что далеко не все случаи отступления от фактов в сторону объяснения их значений подлежат какому-либо юридическому ограничению и преследованию в силу невозможности доказательства обозначенных угроз. Таким образом, основной вектор исследования неизбежно перемещается в сторону смыслов.

Смыслы как предмет анализа и презентации в информационном пространстве

Н. Луман отмечает, что физические факты окружающего мира не могут быть тождественно репрезентированы в системе коммуникаций социума [9, с. 12], где упомянутая нами цепочка «передатчик – приёмник информации» представляется социологом в виде «синтеза трёх селекций»: информации, сообщения и понимания [9, с. 8], каждая из которых является смыслообразующей.

Поэтому смысл есть продукт этих операций, а не свойство мира, обязанное своим происхождением какому-либо творению, учреждению или источнику. Не существует никакой идеальности, отделённой от реальности фактического переживания и процесса коммуникации [10, с. 43].

Т. З. Адамьянц рассматривает смысл как присущее только социуму виртуально-ментальное многоуровневое образование, имеющее свойства как атрибуции (константности), так и модуса (модификации), в зависимости от ситуаций общения, взаимодействия и самоопределения людей.

Такие свойства означают разноречивую трактовку мотивации авторов сообщений вместе с возможностью произвольного интерпретирования смысловых нюансов общепринятых терминов, морально-нравственных норм, законов и правил. Это создаёт в СМИ благоприятные условия для управления сознанием неискущённых читателей и слушателей с помощью терминологических софизмов, использования понятий в изменённых значениях, незаметной подмены доказываемого или опровергаемого

---

¹ Федеральный закон от 18.03.2019 № 27-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» : [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44094> (дата обращения: 01.12.2023).

тезиса. Над созданием смыслов работают не только отдельные авторы, но и целые коллективы редакций СМИ, производящие как открытые смыслы с ориентацией на позитивный социальный результат, так и латентные смыслы, способные оказывать деструктивное влияние.

Таким образом, в любом целостном коммуникативном акте, помимо его очевидного состава в виде слов, звуков, изображений и прочих средств выражения, наличествует комплекс виртуальных смыслов [11].

Т. М. Дридзе характеризовала текст как систему смысловых элементов, объединённых в единую замкнутую иерархическую коммуникативно-познавательную структуру общим замыслом (коммуникативным намерением) субъектов общения. Каждый из этих элементов сам по себе несёт бы информацию, качественно отличную от той, которую он несёт в тексте, если бы не был включён в логику развёртывания всей смысловой иерархии. Данные выводы относятся в равной мере к речевому сообщению, произведению живописи, музыкальному сочинению, инженерному проекту и архитектурному ансамблю [12, с. 71].

Т. З. Адамьянц приводит результаты исследований, в соответствии с которыми доля респондентов, «добирающихся» в своих интерпретациях до «верхушки» мотивационно-целевой структуры, т. е. до смысла, составляет от 14 до 25–30%. Значительная часть респондентов (30–35%) ограничивается пересказом содержания, а их интерпретации свидетельствуют о частично адекватном понимании константного смысла. Статус неадекватных по отношению к этому смыслу получают интерпретации, где обнаруживается и невнимание к содержанию, и нежелание/неумение хотя бы сколько-нибудь приблизиться к пониманию целей и мотивов автора (также 30–35%) [11].

На наш взгляд, неадекватному пониманию смыслов, наряду с обозначенными констатациями, способствует и дополнительный ряд факторов. Как отмечал У. Липпман, у потребителя информации существует стереотип – заранее сформированная мыслительная оценка чего-либо, через которую он воспринимает мир и на основании которой далее совершает поступки; социальная установка с недостатком интеллектуального компонента, базирующаяся на нехватке знаний, ложной информации, устаревших данных [13].

Стереотипы распространяются и поддерживаются с помощью «тонких механизмов воздействия... Нам рассказывают о мире до того, как мы его видим. Мы получаем представление о большинстве вещей до того, как непосредственно сталкиваемся с ними... Вымышленные символы накладываются на реальность» [13, с. 104–106].

Другими словами, человек пропускает даже прошедшие процедуру фактчекинга сообщения через «сито» сложившихся в его сознании сте-

реотипов и может сделать выводы, противоположные первоначальному авторскому замыслу.

Обратимся к результатам проведённого в Москве исследования общественного мнения о мерах по профилактике распространения идеологий экстремистского толка. Около 62% респондентов были полностью согласны с тем, что «насилие недопустимо ни при каких обстоятельствах» («скорее согласны» около 19%). Однако группы полностью (20,5%) или скорее согласных (45,7%) с формулировкой «насилие допустимо, если нарушается справедливость в отношении народа», также велики. Значительно число и тех (15 и 27%), кто полностью или скорее согласен с тем, что «насилие допустимо, если государство не защищает народ от чуждых ему культурных и политических влияний» [14].

Приведённые соотношения мнений и являются индикаторами существующих у горожан стереотипов. Именно из-за них публикуемые в СМИ факты, связанные с абстрактными понятиями «справедливости» и «чуждых влияний», могут вызвать разное восприятие и последующие действия, соответствующие закреплённым в сознании установкам и лишь в малой степени зависящие от фактической достоверности и базовой смысловой окраски.

Хотелось бы обозначить и следующую закономерность: чем выше уровень социальной конфликтности, тем ниже уровень «нейтральности» медийной информации и тем больший акцент делается на внедрение безусловных стереотипов оценки существующей реальности. Так, А. Морелли выявила принципы стереотипизации сообщений, применяемые сторонами в период военных кампаний. Эти принципы сводятся к тому, что «справедливая» сторона («защитник») отстаивает благородное дело и не желает войны, а полную ответственность за её развязывание несёт противник («враг»). Враг сознательно зверствует и применяет несанкционированное оружие, защитник же если и ошибается, то невольно. Дело и лидеры защитника святы, сомневающиеся в этом – предатели, главарь противоположного лагеря – дьяволы и т. д. [15].

Т. М. Дридзе предлагает многоуровневую систему распознавания смыслов в виде «инструкции к выявлению мотивационно-целевой структуры текста» [12, с. 88–89].

Сегодня поиск «истинных» («объективных») смыслов вылился в борьбу с «фейками» (англ. fake), понимаемыми в буквальном переводе как подделка, фальшивка. Однако практическое применение термина «фейк» выходит далеко за пределы этого значения. В сборнике трудов учёных разных стран, вышедшем в 2019 году, исследователи употребляют для трактовки «фейков» такие понятия, как fabrication (подбор, компоновка фактов); context-isolation (выдёргивание из контекста); manipulation (обработка, под-

тасовка); rumors (слухи) и др., называя весь этот комплекс социотехниками управления ложными посылками, двусмысленностями и впечатлениями.

Отмечая растущее значение данного комплекса технологий в эпоху социальных сетей, авторы и редакторы сборника [16] И. Чилува и С. Самойленко констатируют, что прагматичные субъекты сознательно используют эти механизмы для достижения своих целей в современной медиаэкосистеме.

В 2017 году Министерство иностранных дел РФ запустило на своём сайте проект с опровержениями недостоверных публикаций о России, маркируя их словом fake¹.

В 2022 году на Первом канале российского ТВ начала регулярно выходить программа «Антифейк». Предполагалось, что с её помощью зрители научатся распознавать «фейки» и отличать от них достоверную фактологическую информацию².

Однако очевидно, что и рекомендации Т. М. Дридзе, слишком сложные для использования рядовым потребителем, и проектные усилия государственных структур по «разоблачению фейков», в силу многоаспектности последних, не позволяют кардинально избежать воздействия «неправильных» по смыслу сообщений различных форм и уровней.

Лексико-семантические средства медийных ресурсов как маркер фактов и смыслов

Переходя к лексико-семантическому блоку нашего исследования, мы фокусируем внимание на политизированном медиапространстве и терминологических приёмах, наиболее актуальных для текущего периода.

Е. К. Павлова констатирует, что глобальный дискурс современной политической речи дисгармоничен. Для него характерна конфронтационность, что затрудняет международную координацию и кооперацию, провоцирует и разжигает конфликты. Существует серьёзное противоречие между потребностью внутренней и внешней политики государств в языковых средствах эффективной политической коммуникации и неспособностью современных национальных языков обеспечить такую коммуникацию. Причиной данной ситуации автор считает, наряду с лингвокультурными различиями, идеологические противоречия, стереотипы использования и восприятия эмоционально-оценочной поли-

¹ Недостоверные публикации // Министерство иностранных дел Российской Федерации : [сайт]. URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/publikacii-i-oproverzenia/oproverzenia1/nedostovernie-publikacii/ (дата обращения: 01.12.2023).

² АнтиФейк // Первый канал : [сайт]. URL: <https://www.1tv.ru/shows/antifeyk/o-proekte> (дата обращения: 01.12.2023).

тической лексики. Даже перевод этой лексики мотивирован определённым контекстом: одни и те же лексемы, в зависимости от политического фона, приобретают различные толкования.

Е. К. Павлова полагает возможной гармонизацию конфликтной лексики и формулирует соответствующие рекомендации. По её мнению, с этой целью могут быть задействованы правила политкорректности: избегать дисгармоничных концептов, например связанных с религиозными верованиями; подбирать эвфемистические замены дисгармоничных лексем; разоблачать отжившие стереотипы; корректировать идеологические установки и пр. [17].

Н. В. Перфильева и Д. Н. Никишина также отмечают тесную связь эвфемизмов с категорией политической корректности, возникшей в английском языке в связи с выступлением англоговорящих африканцев против употребления «расистских» слов *negro*, *coloured*, *black*. Со временем тенденция к политкорректности распространилась в других сферах, где авторы выделяют ряд тематических групп эвфемизмов, призванных не усугублять дискриминацию людей по их физическому и умственному здоровью, возрасту, профессии и др. Использование подобных эвфемизмов вызвано стремлением избежать конфликтов с потребителями информации и боязнью поставить их в неловкое положение.

Специфика политических эвфемизмов заключается в их способности вуалировать подлинную сущность негативных явлений социальной действительности, включая войну и терроризм. Однако российские и зарубежные СМИ, используя эвфемизмы в материалах о случившихся в РФ терактах, преследуют разные цели. Позиция российских журналистов диктуется стремлением предотвратить межнациональные и межконфессиональные конфликты, панику среди населения, подрыв авторитета власти. Иностранные СМИ с сочувствием относятся к жертвам, однако не стремятся резко осудить действия террористов [18].

А. М. Кушнир и В. В. Кафтан при рассмотрении проблематики управления информационными войнами отмечают, что в ходе решения типичных для них задач логического и эмоционального убеждения, «уговаривания», внушения, принуждения целевых групп к принятию требуемой точки зрения ведущая роль отводится языку. Но он утрачивает свою политкорректность и перестаёт быть общим «домом бытия», как называл язык М. Хайдеггер [19, с. 192]. Терминология выступает теперь инструментом постправды, разъединяющим стороны конфликта. Что же касается эвфемизации, то она становится лишь способом смягчить восприятие неблагоприятных действий участников противостояния [20].

Авторы приводят результаты исследования дискурсивных практик СМИ в США в период Вьетнамской войны, когда такие слова, как «вой-

на», «бомбардировки», «шпионаж», «незаконные поставки оружия», повсеместно заменялись на менее «заряженные» в эмоциональном и оценочном плане: «операция», «воздушная поддержка», «электронное наблюдение», «гуманитарная помощь» [21].

В качестве инструмента управления массовым сознанием и характерного признака современных коммуникаций исследователи описывают клиповое мышление, создающее иллюзию ориентации в больших массивах данных. Это ответ человеческого мозга на бесконечный поток информации, экономия ограниченных познавательных ресурсов за счёт выстраивания реальных или мнимых ассоциативных связей [22]. Добавим к этому, что употребление упрощённой терминологии, маркирующей социальные потрясения, активизируется в медиа в условиях клипового мышления и лучше воспринимается потребителями контента.

В рамках клипового мышления получают распространение мемы – термины и их конструкции, возникающие в устной речи, письменном тексте, видеоизображении, а затем закрепляемые в сознании. А. Росс назвал мемы новым языком медийной коммуникации, смысловым каркасом с любым значением. Мемы ситуативны, постоянно меняются, открыты для трансформации, не имеют однозначного содержания и могут быть использованы разными, зачастую конфликтующими сторонами. С помощью мемов формируется коллективная идентичность, позволяющая отличить «своих» от «чужих» [23].

Итак, трендами использования лексико-семантических средств в информационном поле становятся дисгармония вместо желаемой гармоничности, изменчивость и многозначность вместо единого или доминирующего значения, применение для достижения политических целей и отвлечения от неактуального смысла вместо употребления в качестве объединяющего коммуникационного инструмента.

Современная практика освещения проблематики терроризма в российских и зарубежных СМИ

Прикладную часть исследования мы построим в виде «перевернутой пирамиды», т. е. начнём анализ с терминов, а затем перейдём к фактологическому и смысловому полям.

Базовое понятие «терроризм» в силу чрезвычайной важности законодательного регулирования связанных с ним действий чаще всего рассматривают учёные-юристы. Так, А. В. Серебренникова и М. В. Лебедев пишут о том, что впервые попытку сформулировать и закрепить понятие «терроризм» предприняла Лига Наций в 1934 году на Мадридской конференции, посвящённой интеграции и приведению к единообразию меж-

дународного уголовного законодательства. Здесь была создана «Конвенция о предупреждении терроризма и наказаний за него» и сформировано определение: «Терроризм – это применение любого средства, способного запугивать население с целью разрушения любой социальной организации». Авторы прослеживают усилия международного сообщества по выработке единого определения терроризма вплоть до XXI в. Но итоговый вывод сводится к следующему: такое определение до сих пор не сформулировано. Также не определены границы явления «терроризм», необходимые правоприменителю для правильной квалификации и отграничения от иных преступлений [24].

Несмотря на то, что терроризм превратился в острейшую проблему современности, и борьба с ним уже стала проблемой всего человечества, – отмечает А. Г. Волеводз, – до настоящего времени не решён вопрос об определении общепризнанных понятий «терроризм» и «международный терроризм» [25].

Многие учёные объясняют подобную ситуацию не столько сложностью нахождения всеобщего эквивалента термина «терроризм», сколько политической конъюнктурой и противостоянием между собой государств вместе с их медиаресурсами. По мнению Д. Алтхайда, размытое определение терроризма используется СМИ и правительствами стратегически, чтобы сконструировать «широкий символический образ врага» [26, с. 289].

А. Бхатия утверждает, что характеристика терроризма ситуативна и зависит от исторического, политического и социального контекстов [27].

Эмоционально-публицистическая трактовка А. Спенсера даёт, на наш взгляд, адекватное понимание того, чем является «терроризм» для СМИ: «Терроризм – это то, что мы так называем». Модель социального конструирования тематики терроризма состоит, в представлении автора, из трёх основных компонентов: медиа, метафоры, политики [28, с. 394].

Е. К. Павлова приводит обзор медийных контекстов XX–XXI вв., где присутствует понятие «терроризм». Так, в эпоху холодной войны выражение *international terrorism* (международный терроризм) было использовано для дисфемистического, обостряющего, в противоположность смягчающему эвфемистическому, обозначения национально-освободительных и особенно коммунистических движений, прежде всего в Центральной Америке. Большинство из них не имели отношения к терроризму, но поддерживались СССР – главным противником США, а потому американские СМИ позиционировали Советский Союз как «главный источник международного терроризма». И наоборот: например, сторонники свергнутого никарагуанского диктатора Сомосы назывались *Nicaraguan rebels* (никарагуанские повстанцы), а их война против правительства Никарагуа скрывалась под эвфемизмом *counterterrorism activities*.

Устойчивость в США стереотипного отношения к России как к врагу и восприятия недругов нашей страны как союзников подтверждается и в более поздние периоды, что автор иллюстрирует выдержками из публикаций *Washington Post*, *Reuters*, *Fox News* и ряда других медиа. Даже после терактов 11 сентября 2001 г. западные СМИ не признавали связи чеченских боевиков с мировым терроризмом. В материалах американских газет о захвате заложников в московском Театральном центре в октябре 2002 г. террористы назывались «повстанцами» (*rebels*) и «партизанами» (*guerrillas*). После взрывов с многочисленными человеческими жертвами в московском метро в марте 2010 г. исполнители теракта именовались «сепаратистами» (*separatists*) и «мятежниками» (*insurgents*).

Тенденциозная оценка сторон конфликта наблюдается и по отношению к современной гражданской войне в Сирии: людей, воюющих против правительства Башара Асада, американские СМИ именуют «умеренными» повстанческими силами, группами, оппозицией (*moderate rebel forces*, *moderate groups*, *moderate opposition*).

Подобная картина фиксируется и в других очагах противостояния. Представители Израиля и Палестинской автономии на протяжении десятилетий говорят о борьбе с терроризмом. Но терроризм в сознании израильтянина ассоциируется с палестинскими боевиками, обстреливающими и взрывающими мирных граждан. В сознании же палестинца терроризм – это политика Израиля в отношении палестинцев, убийства борцов за свободу и разрушение их домов.

Е. К. Павлова делает вывод о том, что содержание концепта «терроризм» во всей полноте его компонентов: понятийного, ассоциативного и эмоционально-оценочного – становится предметом политической борьбы. Противопоставленные «терроризм» и «антитеррор» представляют собой дискурсивные маркеры добра и зла, своих и чужих. В такой системе ценностей свои не могут быть террористами и совершать теракты, следовательно, «жесткие» термины заменяются эвфемизмами [29].

На дополнительные аспекты обсуждаемой темы обращает внимание Ю. И. Гиличинская. Её анализ материалов *Fox News*, *CNN* и *Al Jazeera* показывает, что террористическими атаками в этих медиа называются главным образом те, в которых от рук мусульман погибают люди европейского или американского происхождения, что усугубляет исламофобские настроения и игнорирует другие системные проявления жестокости [30].

Обращаясь в русле тематики нашей статьи к событиям российско-украинского противостояния 2022–2024 гг., заслуживающим отдельного и глубокого анализа в будущем, упомянем наиболее очевидный аспект, связанный с терминологией этой военной кампании. Украинская власть

и её СМИ определяли Россию в целом как «государство-террорист», что является исключительным историко-терминологическим прецедентом. Войну против России украинский истеблишмент и СМИ именовали «анти-террористической операцией» (АТО). В то же время властные структуры и медиа РФ не употребляли в отношении Украины как государства подобные термины, свои военные действия называли «специальной военной операцией» (СВО), а термин «акт терроризма» применяли по отношению к атакам украинской армии против гражданского населения России.

Развиваются практики использования фактического материала для производства не только отдельных смысловых конструкций, но и больших дискурсивных медиасегментов. Показательным в этом плане является сравнительное исследование «Российский Кавказ в современном информационном поле: тренды, проблемы, решения», проведённое автором в рамках подготовки к международным политологическим форумам «Российский Кавказ» и участия в них. Анализ информационных полей федеральных СМИ, медиа Северо-Кавказского федерального округа и Федеративной Республики Германии осуществлялся с помощью и по методикам электронных библиотек «Медialogия» (Россия)¹ и DWDS (Германия)². В каждом из сегментов составлялся количественно-качественный рейтинг доминирующих тем в порядке их убывания [31]. Краткие итоги исследования представлены в таблице 1.

Выработались модели публикаций, управляющих общественным мнением с помощью актуальных и логически выстроенных композиций из фактов, смыслов и терминов. Проиллюстрируем это на примере материалов компании CNN, которая в редакционном стандарте прямо декларирует свою смыслообразующую миссию: «Мы являемся свидетелями развития истории и объясняем не только то, что произошло, но и почему, и что это значит для вас»³.

В первом материале, посвящённом теракту в московском Театральном центре в октябре 2002 г., наблюдается преобразование «объективных фактов» в требуемые смыслы, причём без нарушения государственных законов и стандартов CNN. Террористы традиционно называются *gunmen*, *guerrillas*, *rebels*, *dissidents*, а также *suicide squad* (“*smertniki*”). В то же время в публикации присутствует и определение “*criminals who have terrorized Chechnya*”. Однако это краткая цитата из выступления президента России В. В. Путина, а не терминология редакции CNN.

¹ Мониторинг СМИ и соцсетей // Медialogия : [сайт]. URL: www.mlg.ru (дата обращения: 01.12.2023).

² Der deutsche Wortschatz von 1600 bis heute // DWDS : [сайт]. URL: <https://www.dwds.de> (дата обращения: 01.12.2023).

³ CNN Digital Mission // CNN : [сайт]. URL: <https://us.cnn.com/about> (дата обращения: 01.12.2023).

Таблица 1

Иерархия приоритетных тем и акценты в проблематике терроризма в СМИ России, Северо-Кавказского федерального округа (СКФО) РФ и Германии

Страна/ регион	Иерархия приоритетных тем	Акценты в проблематике терроризма
РФ	<ol style="list-style-type: none"> 1. Борьба с терроризмом 2. Туризм 3. Безработица 4. Промышленность 5. Миграция 6. Права женщин 	Последовательная борьба с терроризмом приносит результаты. Реализуются профилактические меры. Причины безработицы и миграции – высокая рождаемость, перенаселение, сельский тип поселений. Главные средства преодоления этих проблем – государственная промышленная политика и развитие туризма на Северном Кавказе.
СКФО РФ	<ol style="list-style-type: none"> 1. Миграция 2. Борьба с терроризмом 3. Безработица 4. Промышленность 5. Туризм 	Причины миграции – безработица, низкий уровень зарплат и социальных услуг, межнациональная напряжённость, религиозно-политический экстремизм и терроризм; информатизация региона, повышающая информированность и рост потребностей и мотиваций граждан. Способы преодоления проблем – развитие промышленности и туризма.
ФРГ	<ol style="list-style-type: none"> 1. Терроризм 2. Борьба с терроризмом 3. Права женщин 4. Миграция 5. Туризм 	Терроризм – это кровавые столкновения федеральных войск и исламистских фундаменталистов, которые борются за независимое религиозное государство и усиление влияния ислама. Причины радикализма – бедность и политическая нестабильность. Жертвы террора – мирные жители, а также журналисты, критикующие коррупционную власть и государственно-правовой режим на Северном Кавказе. Следствие терроризма – безработица и миграция. Борьба с терроризмом имеет лишь ограниченный успех.

Значительно больше места уделено пересказу обращения террористов: «Чеченские диссиденты, некоторые из которых были женщинами в паранджах, рассказывали: “[Мы искали] справедливого решения” после того, как “российские оккупанты залили нашу землю кровью наших детей”. “Мы выбрали такой подход... ради свободы чеченского народа, и нет никакой разницы в том, где мы умрём, и поэтому мы решили умереть здесь, в Москве. И мы заберём с собой жизни сотен грешников”».

Далее «объективное» освещение событий продолжается косвенным обвинением в случившемся В. В. Путина: «Решение Путина, как политически неопытного премьер-министра, в октябре 1999 г. отдать при-

каз о возвращении войск в Чечню помогло ему катапультироваться в Кремль»¹.

Во втором примере композиция фактов сама по себе приводит к определённом смыслу, даже без комментариев редакции. П. Духанова разбирает телевизионные выпуски CNN, посвящённые освобождению городов Алеппо (Сирия, декабрь 2016 г.) и Мосул (Ирак, март 2017 г.) от террористических группировок. Распределение сюжетов по времени представлено в таблице 2.

Таблица 2

Распределение времени в сюжетах об освобождении от террористов городов Алеппо (Сирия) и Мосул (Ирак)

Тема сюжета	Алеппо	Мосул
Военная операция	2 мин. 40 сек.	19 сек.
Страдания мирных жителей от террористов	10 сек.	3 мин.
Последствия операции для мирных жителей	2 мин. 13 сек.	0 мин.

Казалось бы, CNN беспристрастно сообщает факты, зафиксированные в видеодокументах. Однако их смыслы находятся в «невидимом подтексте» и сводятся к следующему. Сирийский город Алеппо освобождали правительственные войска Б. Асада вместе с российскими военными, а операции в иракском Мосуле проводила коалиция во главе с США. В одном случае большинство граждан смогли выйти из города по специально организованной армией России и их союзниками коридорам. В заложниках у террористов осталось около 100 тыс. человек. В другом случае жителям никто не помогал покинуть обстреливаемые дома, и около 750 тыс. граждан стали живым щитом для террористов. Тем не менее ситуация в Алеппо обозначалась как военное преступление российско-сирийской коалиции и гуманитарная катастрофа, тогда как применительно к Мосулу не упоминалось об отсутствии помощи бегущим от войны иракцам, а тем более о «военных преступлениях».

Получалось, что главной смысловой частью выпуска становились страдания мирных жителей, но в Ираке – от террористов, а в Сирии – от действий российско-сирийских войск².

Третий пример показывает, что текущие факты вообще не обязательны для демонстрации требуемого смысла, а в качестве информационного

¹ Seven freed from Moscow theater // CNN : [сайт]. 25.10.2002. URL: <https://edition.cnn.com/2002/WORLD/europe/10/24/moscow.siege/> (дата обращения: 01.12.2023).

² Духанова П. Разная правда: как западные СМИ освещают ситуацию в Сирии и Ираке // RT на русском : [сайт]. 06.03.2017. URL: <https://russian.rt.com/world/article/365663-siriya-irak-mosul-aleppo-zhurnalisty?ysclid=lmnawugji5121269542> (дата обращения: 01.12.2023).

повода для последующих акцентов может быть использовано в принципе любое происходящее событие. Так, осенью 2023 г. в Китае проводились XIX Азиатские игры – комплексные спортивные соревнования среди спортсменов азиатского континента. В числе тысяч репортажных фотографий с Игр на китайских ресурсах появилось фото двух обнимающихся спортсменок, победивших в забеге на дорожках под номерами 6 и 4, – такие номера присутствовали и на спортивной форме. Вскоре некоторые ресурсы КНР удалили эту фотографию или опубликовали её без номеров; другие порталы оставили фото без изменений.

Этого прецедента стало достаточно, чтобы раскрутить информационную кампанию вокруг китайской цензуры в частности и против преследующего инакомыслие режима в целом. Вышла публикация CNN со сравнительно безобидным названием “China censored this photo of two athletes”. Однако в тексте материала описываются события 4 июня 1989 г. на пекинской площади Тяньаньмэнь, связанные с выступлением оппозиции и её подавлением: цифра 64 служит в Китае символом этих событий. Хотя акции государства по отношению к демонстрантам терминологически не приравнивались CNN к внутреннему терроризму, общий тон приводил именно к таким смыслам. Действия властей характеризовались, как «резня» (massacre) и «кровавый разгон» (bloody crackdown) китайскими танками протеста за демократию. Оппозиция же именовалась «студенческой акцией с проявлениями инакомыслия». Более глубокого анализа, где могли бы использоваться документально зафиксированные факты массовых экстремистских действий оппозиции, не приводилось¹.

Преднамеренность смысловой кампании по представлению Китая как жестокого тоталитарного государства, терроризирующего собственных граждан, подтверждают появившиеся в октябре 2023 г. и аналогично выстроенные с помощью связки «Игры – фото с цифрой 64 – площадь Тяньаньмэнь» публикации ведущих американских и британских СМИ: The Morning News, BBC, The Guardian, The Asian Affairs и др.

Как отмечал Ф. Лукьянов, образы «китайской весны» 1989 года на Западе и в самом Китае радикально расходятся. В КНР не принято вспоминать те трагические события. А на Западе о них, наоборот, говорят сейчас более активно, чтобы подчеркнуть репрессивный характер китайского режима (подтекст – необходимость сворачивать прежнюю модель сотрудничества и переходить к сдерживанию).

«Есть известный трюизм, – замечает автор, – что история расставит всё по своим местам, докажет, кто прав, а кто нет. Это не так. Тракто-

¹ Lau Chris. China censored this photo of two athletes. Was it for a perceived Tiananmen massacre reference? // CNN : [сайт]. 04.03.2023. URL: <https://edition.cnn.com/2023/10/04/china/hurdlers-hugging-photo-censor-china-intl-hnk/index.html> (дата обращения: 01.12.2023).

ка одних и тех же событий меняется в зависимости от господствующего мировоззрения. А по истечении длительного срока всё и вовсе превращается в исторический миф, который у каждого свой»¹.

Выводы

Таким образом, накоплен существенный опыт теоретического анализа значений и логических связей понятий «факт», «смысл» и «термин» в их социальном ракурсе. Нарботаны прикладные методики выявления в средствах массовой информации дисгармоничных и конъюнктурных соотношений данных понятий, в том числе связанных с проблематикой терроризма. При этом лишь обострились задачи оптимизации медийного контента и актуализации его воздействия на сознание и поведение целевых групп в социально значимом и ответственном направлении.

В решении этих задач наметились два ведущих стратегических блока. Первый из них может быть назван контрольно-аналитическим, включающим в себя правовое (государственное) и этическое (корпоративное) регулирование медийного контента на отечественном и международном уровне. Так, эксперты констатируют, что для борьбы с террористической угрозой принимаются меры, которые ранее «табуировались» под предлогом незыблемости ценностей «свободы слова» – в частности, вводится оперативный государственный контроль за информационным пространством, включая его национальные Интернет-сегменты.

Например, в 2021 году по инициативе Российской Федерации было принято совместное заявление министров иностранных дел государств – членов ОДКБ «О профилактике и борьбе с использованием Интернета в террористических целях». Важными шагами стали также одобренные в 2020 году Антитеррористическая стратегия БРИКС и заявление Совета глав государств – членов ШОС «О противодействии распространению террористической, сепаратистской и экстремистской идеологии, в том числе в сети Интернет» [32].

Социологические исследования показывают, что среди долгосрочных максимальных или средней эффективности мер по профилактике и противодействию терроризму в РФ называются повышение правовой грамотности населения и преподавание в учебных заведениях истории и культуры народов России [33].

Однако очевидно, что меры первого блока принимаются всеми оппонирующим друг другу государственными и медийными структурами,

---

¹ Лукьянов Ф. Лукьянов: События на площади Тяньаньмэнь – поворотный пункт в истории Китая // Российская газета. 12.06.2019. URL: <https://rg.ru/2019/06/12/lukianov-sobytiia-na-ploshchadi-tiananmen-povorotnyj-punkt-v-istorii-kitaia.html?ysclid=lolt9k3kxp884815258> (дата обращения: 01.12.2023).

но они используют проблематику терроризма главным образом в собственных политических целях, ориентированных на победу в информационной войне.

Отсюда приоритетным становится второй стратегический блок – установочный. Вместе с обозначенными выше методами и приёмами распознавания недостоверных фактов и неприемлемых значений его важнейшей частью становится применение смыслообразующих технологий в целях формирования стереотипов актуального восприятия и последующего действия в отношении теории и практики терроризма.

Ориентиром для реализации данного блока может стать подготовленный автором в рамках исследовательской деятельности в Институте социологии РАН информационный эталон антитеррористических материалов – руководство к составлению и оценке текстов для массового воздействия; перечень мотивирующих посланий, транслируемых с помощью СМИ; динамический набор блоков информации, знакомство с которыми способствует привлечению различных категорий граждан к актуальной деятельности [34].

При наличии информационного эталона именно он становится критерием оценки актуальности медийных материалов, предназначенных для массового воздействия на целевые аудитории.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Толстой Л. Н. О Шекспире и о драме // Л. Н. Толстой. Собр. соч. в 20 т. Т. 15. М. : Худ. лит-ра, 1964. С. 284–348.
2. Толстой Л. Н. Что такое искусство? // Л. Н. Толстой. Собр. соч. в 20 т. Т. 15. М. : Худ. лит-ра, 1964. С. 44–243.
3. Выготский Л. С. Лёгкое дыхание // Психология искусства. М. : Искусство, 1986. С. 146–158.
4. Дюркгейм Э. О. О разделении общественного труда. Метод социологии // Эмиль Дюркгейм ; изд. подгот. А. Б. Гофман ; пер. с франц. М. : Наука, 1991. 572 с. ISBN 5-02-013399-X.
5. Ядов В. А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности // В. А. Ядов ; 3-е изд., испр. Москва : Омега-Л, 2007. 567 с. ISBN 5-365-00446-9; ISBN 978-5-365-00446-7. EDN QOFZOF.
6. Чумиков А. Н. Факты, смыслы и стереотипы как слагаемые продукта информационной войны // Журналист. Социальные коммуникации. 2022. № 2 (46). С. 19–30. EDN OIIGKM.
7. Ленин В. И. Партийная организация и партийная литература // В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 12. М. : Изд-во полит. лит-ры, 1968. С. 99–105.
8. Чумиков А. Н. Конфликтные коммуникации в медийном поле // Коммуникология. 2021. Т. 9, № 2. С. 125–142. DOI 10.21453/2311-3065-2021-9-2-125-142. EDN KTSZVB.

9. *Луман Н.* Медиа коммуникации // Пер. с нем. А. Глухова, О. Никифорова ; под науч. ред. А. Антоновского. М. : Логос, 2005. 280 с. ISBN 5-8163-0061-х.
10. *Луман Н.* Общество как социальная система // Пер. с нем. А. Антоновский. М. : Логос, 2004. 232 с. ISBN 5-8163-0061-х. EDN **PWOOCR**.
11. *Адамьянц Т. З.* Социальные смыслы как предмет социологического анализа // Социологические исследования. 2021. № 9. С. 16–25. DOI **10.31857/S013216250015252-0**. EDN **NKIIOT**.
12. *Дридзе Т. М.* Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. Проблемы семиосоциопсихологии. М. : Наука; АН СССР; Ин-т соц. исслед., 1984. 227 с.
13. *Липпман У.* Общественное мнение / Пер. с англ. Т. В. Барчуковой. М. : Ин-т Фонда «Общественное мнение», 2004. 384 с. ISBN 5-93947-016-5. EDN **OXCHMG**.
14. Информационно-аналитический отчёт о результатах социологического исследования «Мониторинг общественного мнения о мерах по профилактике распространения девиантных идеологий экстремистского толка и по противодействию распространению терроризма». М. : НИИ социологии, 2017. 49 с. URL: <https://www.mos.ru/upload/documents/files/3128/Extr17.pdf?ysclid=lmusooijhx408699982> (дата обращения: 01.12.2023).
15. *Morelli A.* Principes l mentaires de propagande de guerre: Utilisables en cas de guerre froide, chaude ou ti de... Brussel : Aden Belgique, 2010. 222 p. ISBN 978-2-930402994.
16. *Chiluwa I. E., Samoilenko S. A.* Handbook of research on deception, fake news, and misinformation online. Hershey, PA : IGI Global, 2019. 651 p. ISBN 978-1522585350. DOI **10.4018/978-1-5225-8535-0**.
17. *Павлова Е. К.* Языковые проблемы глобальной политической коммуникации и перспективы их решения посредством гармонизации национальных тезаурусов. М. : Прометей, 2007. 218 с. ISBN 978-5-7042-2054-1. EDN **QOGONB**.
18. *Перфильева Н. В., Никишина Д. Н.* Политические эвфемизмы лексико-семантической группы «терроризм» в СМИ // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2013. № 2. С. 95–103. EDN **PZDLTB**.
19. *Хайдеггер М.* Время и бытие: статьи и выступления // Пер. с нем., вступ. ст., коммент. и указ. В. В. Библихина. М. : Республика, 1993. 447 с. ISBN 5-250-01496-8.
20. *Кушнир А. М., Кафтан В. В.* Особенности управления информационными войнами: очевидность и повседневность / А. М. Кушнир, В. В. Кафтан // Вопросы теории и практики журналистики. 2023. Т. 12, № 3. С. 525–543. DOI **10.17150/2308-6203.2023.12(3).525-543**. EDN **JCFSWO**.
21. *Rohde J.* The last stand of the psychocultural Cold warriors: Military contract research in Vietnam // Journal of the History of the Behavioral Sciences. 2011. Vol. 47, № 3. P. 232–250. DOI **10.1002/jhbs.20509**.
22. *Гиренок Ф. И.* Клиповое сознание / Ф. И. Гиренок. Москва : Издательство Проспект, 2016. 256 с. ISBN 978-5-392-19235-9. EDN **VXNXDV**.
23. *Ross A. S., Rivers D. J.* Digital Cultures of Political Participation: Internet Memes and the Discursive Delegitimization of the 2016 U.S Presidential Candidates // Discourse, Context and Media. 2017. Vol. 16. P. 1–11. DOI **10.1016/j.dcm.2017.01.001**.
24. *Серебренникова А. В., Лебедев М. В.* Проблемы определения терроризма в международном праве // American Scientific Journal. 2019. № 27-1 (27). С. 38–41. EDN **GTTPAK**.

25. *Волеводз А. Г.* О значении выработки общепризнанного понятия «терроризм» и «международный терроризм» // *Право международной безопасности: современное видение и сопутствующие проблемы межгосударственного сотрудничества*. Сб. научных трудов / Отв. ред. Г. В. Игнатенко. Екатеринбург : Уральская юрид. академия, 2011. Вып. 3 (7). С. 42–62. ISBN 978-5-7845-0323-7. EDN **TELEGZ**.
26. *Altheide D.* *Terrorism and the Politics of Fear*. Lanham : AltaMira Press, 2006. 247 p. ISBN 978-0759109186.
27. *Bhatia A.* *The Discourses of Terrorism* // *Journal of Pragmatics*. 2009. Vol. 41, № 2. Pp. 279–289. DOI [10.1016/j.pragma.2008.05.016](https://doi.org/10.1016/j.pragma.2008.05.016).
28. *Spencer A.* *The Social construction of terrorism: media, metaphors and policy implications* // *Journal of International Relations and Development*. 2012. Vol. 15, № 3. Pp. 393–419. DOI [10.1057/jird.2012.4](https://doi.org/10.1057/jird.2012.4). EDN **SHHYBY**.
29. *Павлова Е. К.* Концепт «терроризм» в глобальном политическом дискурсе: история и современность // *Культура и цивилизация*. 2017. Т. 7, № 5А. С. 81–88. EDN **YRSITJ**. URL: <http://www.publishing-vak.ru/file/archive-culture-2017-5/10-pavlova.pdf> (дата обращения: 01.12.2023).
30. *Гиличинская Ю. И.* Fox News, CNN и Al Jazeera: языковые особенности материалов о терроризме // *Медиалингвистика*. 2018. Т. 5, № 1. С. 73–83. DOI [10.21638/11701/spbu22.2018.106](https://doi.org/10.21638/11701/spbu22.2018.106). EDN **PJHCDN**.
31. *Российский Кавказ: проблемы, поиски, решения* / З. М. Абдулагаров, Р. Г. Абдулатипов, М. А. Агларов [и др.]. Москва : Аспект Пресс, 2015. 600 с. ISBN 978-5-7567-0783-0. EDN **YZGJET**.
32. *Салов В. П.* Международное сотрудничество в области противодействия террористической идеологии, в том числе в сети «Интернет» // *Вестник НАК*. 2022. № 2 (29). С. 84–86. URL: http://nac.gov.ru/sites/default/files/vestnik.web_.pdf (дата обращения: 01.12.2023).
33. *Регулярные социологические исследования общественного мнения по вопросам противодействия идеологии терроризма за 2012–2013 гг.* М. : РГУ нефти и газа им. И. М. Губкина, 2013. 92 с. URL: <https://ekaterinburg.pf/file/8d0111338abcd88fe5eb18f0bc8e80ea?ysclid=lmuss6kk98695819419> (дата обращения: 01.12.2023).
34. *Чумиков А. Н.* Информационный эталон как технология противодействия терроризму // *Геополитическая картина мира: угрозы и вызовы : Сборник материалов Международной научно-практической конференции (Москва, 09–11 декабря 2020 г.)* Москва : Московский государственный лингвистический университет, 2022. С. 307–314. EDN **HDYPTY**.

Сведения об авторе

А. Н. Чумиков

доктор политических наук,
главный научный сотрудник,
профессор
AuthorID РИНЦ: **475501**

Статья поступила в редакцию 16.11.2023; одобрена после рецензирования 10.01.2024; принята к публикации 27.01.2024.

Original article

DOI: 10.19181/snsp.2024.12.1.5

POSITIONING OF FACTS, MEANINGS AND TERMS IN THE MEDIA: THE THEORETICAL APPROACHES AND PRACTICE OF COVERING THE PROBLEMS OF TERRORISM

Alexander Nikolaevich Chumikov

Institute of Sociology of FCTAS RAS;

Moscow State Linguistic University,

Moscow, Russia,

chumikov@pr-club.com,

ORCID 0000-0002-7208-9783

For citation: Chumikov A. N. Positioning of facts, meanings and terms in the media: Theoretical approaches and practice of covering the problems of terrorism. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2024;12(1):94–119. (In Russ.). DOI 10.19181/snsp.2024.12.1.5.

Abstract. The interpretation and interrelation of the concepts of “fact”, “meaning”, “term” throughout the 20th–21st centuries were constantly in the zone of interest of researchers: sociologists, philosophers, cultural scientists, linguists, lawyers, as well as writers and journalists. At the same time, this connection, outwardly understandable and logical, was understood as an increasingly complex composition, depending both on the peculiarities of human perception and on the social modeling of various kinds of messages to target audiences. This article examines the dynamics and current state of these ideas, connected, on the one hand, with the internetization and mediatization of society; and, on the other, motivated by the presence and strengthening of the global socio-political conjuncture at the interstate and other levels. The author’s research focuses on the problems of terrorism as the most acute and revealing. There is no unified internationally accepted definition of terrorism. To an even greater extent, this applies to social practice, in the process of which the perpetrators and customers of terrorist attacks are determined by interested parties in different ways, up to the complete opposite. The immediate facts of terror are interpreted in the same way, when the fixation of a real event is supplemented or completely replaced by a demonstration of its meaning. The article examines the prerequisites and modern practice of creating and subsequent application of factual, meaning and terms elements in the compositions of published messages. By analyzing the materials of Russian and Western mass media, the author explores the dynamic change in the goals and roles of these elements in influencing target audiences. In the course of the study, the hypothesis is put forward and confirmed that reports of acts of terror turn into an instrument of information warfare, and their semantic part acquires a dominant character. Technologies are being developed to verify the facts for authenticity and identify the primary goals of the authors of the messages. However, the priority form of counter-actions is the formation of stereotypical attitudes among target groups to the rejection of events, statements and their content designations in the media, qualified by the state as terrorist.

Keywords: fact, fact checking, meaning, meaning formation, term, media, post-truth, stereotype, information standard, terrorism

REFERENCES

1. Tolstoy L. N. About Shakespeare and about drama [O Shekspire i o drame]. In: Tolstoy L. N. Coll. works in 20 vol. Vol. 15. Moscow: Xudozhestvennaya literatura; 1964. P. 284–348. (In Russ.).
2. Tolstoy L. N. What is art? [Chto takoe iskusstvo]. In: Tolstoy L. N. Coll. works in 20 vol. Vol. 15. Moscow: Xudozhestvennaya literatura; 1964. P. 44–243. (In Russ.).
3. Vygotsky L. S. Easy breathing [Legkoe dy'xanie]. In: Psychology of Art. Moscow: Iskusstvo; 1986. P. 146–158. (In Russ.).
4. Durkheim E. O. Definition of social labor. The method of sociology [O razdelenii obshhestvennogo truda. Metod sociologii]. Translated from French. Moscow: Nauka; 1991. 572 p. (In Russ.) ISBN 5-02-013399-X.
5. Yadov V. A. Strategy of sociological research. Description, explanation, understanding of social reality [Strategiya sociologicheskogo issledovaniya. Opisaniye, ob'yasneniye, ponimaniye social'noj real'nosti]. V. A. Yadov. 3rd ed., ispr. Moscow: Omega-L; 2007. 567 p. (In Russ.). ISBN 5-365-00446-9; ISBN 978-5-365-00446-7.
6. Chumikov A. N. Facts, meanings and stereotypes as components of the product of the information war. *Journalist. Social communications=Zhurnal. Social'ny'e kommunikacii*. 2022;2(46):19–30. (In Russ.).
7. Lenin V. I. Party organization and party literature [Partijnaya organizaciya i partijnaya literatura]. In: Coll. works; 5 ed, V. 12. Moscow: Politicheskaya literatura; 1968. P. 99–105. (In Russ.).
8. Chumikov A. N. Conflict communications in modern media. *Communicology=Kommunikologiya*. 2021;9(2):125–142. (In Russ.) DOI [10.21453/2311-3065-2021-9-2-125-142](https://doi.org/10.21453/2311-3065-2021-9-2-125-142).
9. Luhman N. Media communications [Media kommunikacii]. Translated from German. A. Glukhov, O. Nikiforov. Moscow: Logos; 2005. 280 p. (In Russ.). ISBN 5-8163-0061-x.
10. Luhmann N. Society as a social system [Obshhestvo kak social'naya sistema]. Translated from German. A. Antonovsky. Moscow: Logos; 2004. 232 p. (In Russ.). ISBN 5-8163-0061-x.
11. Adamyants T. Z. Social meanings as a subject of sociological analysis. *Sociological studies=Sociologicheskie issledovaniya*. 2021;(9):16–25. (In Russ.) DOI [10.31857/S013216250015252-0](https://doi.org/10.31857/S013216250015252-0).
12. Dridze T. M. Textual activity in the structure of social communication. Problems of semiosociopsychology [Tekstovaya deyatel'nost' v strukture social'noj kommunikacii. Problemy' semiosociopsixologii]. Moscow: Nauka; 1984. 227 p. (In Russ.).
13. Lippman U. Public opinion. Translated from English [Obshhestvennoe mneniye. Per. s angl. T. V. Barchukovoj]. Moscow: In-t Fonda «Obshhestvennoe mneniye»; 2004. 384 p. (In Russ.). ISBN 5-93947-016-5.
14. Informational and analytical report on the results of the sociological study “Monitoring public opinion on measures to prevent the spread of deviant ideologies of extremist persuasion and to counter the spread of terrorism” [Informacionno-analiticheskij otchet o rezul'tatax sociologicheskogo issledovaniya “Monitoring obshhestvennogo mneniya o merax po profilaktike rasprostrane-

- niya deviantny'x ideologij e'kstremistskogo tolka i po protivodejstviyu rasprostraneniyu terrorizma"]. Moscow: NII sociologii; 2017. 49 p. (In Russ.) Available at: <https://www.mos.ru/upload/documents/files/3128/Extr17.pdf?ysclid=lmusooijhx408699982> (accessed: 01.12.2023).
15. Morelli A. Principes élémentaires de propagande de guerre: Utilisables en cas de guerre froide, chaude ou tiède... Brussel : Aden Belgique, 2010. 222 p. (In French). ISBN 978-2-930402994.
  16. Chilwa I. E., Samoilenko S. A. Handbook of research on deception, fake news, and misinformation online. Hershey, PA: IGI Global; 2019. 651 p. ISBN 978-1522585350. DOI [10.4018/978-1-5225-8535-0](https://doi.org/10.4018/978-1-5225-8535-0).
  17. Pavlova E. K. Linguistic problems of global political communication and prospects for their solution through the harmonization of national thesauri [Yazy'kovy'e problemy' global'noj politicheskoy kommunikacii i perspektivy' ix resheniya posredstvom garmonizacii nacional'ny'x tezaurusov]. Moscow: Promej; 2007. 218 p. (In Russ.). ISBN 978-5-7042-2054-1.
  18. Perfilieva N. V., Nikishina D. N. Political euphemisms of lexico-semantic group "terrorism" in mass media. *Bulletin of the RUDN. Series: Theory of language. Semiotics. Semantics=Vestnik RUDN. Seriya: Teoriya yazy'ka. Semiotika. Semantika*. 2013;(2):95–103. (In Russ.).
  19. Heidegger M. Time and being: articles and speeches [Vremya i by'tie: stat'i i vy'stupleniya]. Moscow: Respublika; 1993. 447 p. (In Russ.). ISBN 5-250-01496-8.
  20. Kushnir A. M., Kaftan V. V. Features of information warfare management: The Obvious and the routine. *Theoretical and practical issues of journalism=Voprosy' teorii i praktiki zhurnalistiki*. 2023;12(3):525–543. (In Russ.). DOI [10.17150/2308-6203.2023.12\(3\).525-543](https://doi.org/10.17150/2308-6203.2023.12(3).525-543).
  21. Rohde J. The last stand of the psychocultural Cold warriors: Military contract research in Vietnam. *Journal of the history of the behavioral sciences*. 2011;47(3):232–250. DOI [10.1002/jhbs.20509](https://doi.org/10.1002/jhbs.20509).
  22. Girenok F. I. Clip consciousness [Klipovoe soznanie]. Moscow: Prospect; 2016. 256 p. (In Russ.) ISBN 978-5-392-19235-9.
  23. Ross A. S., Rivers D. J. Digital cultures of political participation. In: Internet memes and the discursive delegitimization of the 2016 U.S Presidential candidates. *Discourse, context and media*. 2017;(16):1–11. DOI [10.1016/j.dcm.2017.01.001](https://doi.org/10.1016/j.dcm.2017.01.001).
  24. Serebrennikova A. V., Lebedev M. V. Problems of terrorism definition in international. *American scientific journal*. 2019;27-1(27):38–41. (In Russ.).
  25. Volevodz A. G. On the significance of developing the universally recognized concepts of "terrorism" and "international terrorism". In: The Law of international security... [collection of scientific papers]. Yekaterinburg: Ural'skaya yurid. akademiya; 2011; issue 3(7). P. 42–62. ISBN 978-5-7845-0323-7. (In Russ.).
  26. Altheide D. Terrorism and the politics of fear. Lanham: AltaMira Press; 2006. 247 p. ISBN 978-0759109186.
  27. Bhatia A. The discourses of terrorism. *Journal of pragmatics*. 2009;41(2):279–289. DOI [10.1016/j.pragma.2008.05.016](https://doi.org/10.1016/j.pragma.2008.05.016).
  28. Spencer A. The Social construction of terrorism: media, metaphors and policy Implications. *Journal of international relations and development*. 2012;15(3):393–419. DOI [10.1057/jird.2012.4](https://doi.org/10.1057/jird.2012.4).
  29. Pavlova E. K. The concept "terrorism" in global political discourse: history and modernity. *Culture and civilization=Kul'tura i civilizaciya*. 2017;7(5A):81–88. (In Russ.). Available at: <http://www.publishing-vak.ru/file/archive-culture-2017-5/10-pavlova.pdf> (accessed: 01.12.2023).

30. Gilichinskaya Yu. I. Fox News, CNN, and Al Jazeera: Language of terrorism coverage. *Media linguistics=Medialingvistika*. 2018;5(1):73–83. (In Russ.). DOI [10.21638/11701/spbu22.2018.106](https://doi.org/10.21638/11701/spbu22.2018.106).
31. Abdulagarov Z. M., Abdulatipov R. G. [et al.]. The Russian Caucasus: problems, searches, solutions: Scientific publication. Moscow: Aspekt Press; 2015. 600 p. (In Russ.). ISBN 978-5-7567-0783-0.
32. Salov V. P. International cooperation in the field of countering terrorist ideology, including on the Internet. *Bulletin of NAC=Vestnik NAK*. 2022;2(29):84–86. (In Russ.). Available at: http://nac.gov.ru/sites/default/files/vestnik.web_.pdf (accessed: 01.12.2023).
33. Regular sociological research of public opinion on countering the ideology of terrorism for 2012–2013 [Regulyarny'e sociologicheskie issledovaniya obshhestvennogo mneniya po voprosam protivodejstviya ideologii terrorizma za 2012–2013]. Moscow: RGU nefti i gaza im. I. M. Gubkina; 2013. 92 p. (In Russ.). Available at: <https://екатеринбург.рф/file/8d0111338abcd88fe5eb18f0bc8e80ea?ysclid=lmuss-6kk98695819419> (accessed: 01.12.2023).
34. Chumikov A. N. Information standard as a technology for countering terrorism [Informacionny'j e'talon kak texnologiya protivodejstviya terrorizmu]. In: The geopolitical picture of the world: threats and challenges [collection of materials of the International scientific and practical conference]. (Moscow, 09–11 декабря 2020 г.) Moscow: MGLU; 2022. P. 307–314. (In Russ.).

Information about the Author

A. N. Chumikov

Doctor of Politology,
Chief Researcher, Professor

The article was submitted 16.11.2023; approved after reviewing 10.01.2024; accepted for publication 27.01.2024.